

ЕЛЕНА ШЕВИЧ

ЭТОТ ДЕНЬ...

рассказы короткие и ... очень короткие

Елена Владимировна Шевич

Этот день...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63413111

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник коротких и ... очень коротких рассказов о наших современниках и о землянах прошлого и будущего. Герои рассказов влюбляются, встречаются и расстаются, попадают в переделки... Совсем как мы с вами.

Содержание

Малиновая дипломатия	4
Вдруг волшебник в голубом...	6
Было... не было	17
Бедность	24
Этот день...	34
Без названия	53
Родственники	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елена Шевич

Этот день...

Малиновая дипломатия

– Ох, люблю я малину, всю жизнь бы одной малиной питался.

– Ну, ты хватанул, где же её столько набрать?

– Э, надо глядеть умеючи, это ягода особенная, так и норовит под листик спрятаться. Пока каждому кустику не поклонись, ни одной не увидишь.

А бывает – поглядишь с одной стороны – нет ничего, а подойдёшь с другой – там такие россыпи! Я этот малинник давно приметил, он только-только отцвёл и первые ягоды появились.

– Она же зелёная и жёсткая, зачем её рвать? Да не ври – и тебе не сладко.

– Ну а переспелую есть ещё противней, но приходится. Я никакими не пренебрегу. А зелёные тоже жалко оставлять, вдруг кто другой сорвёт? Мало её, малины-то.

– Малины много, это тебе всё мало. А помнишь, как полез в дебри за единственной ягодиной, оцарапался весь, да ещё ногой в навозную кучу попал, а есть-то и нечего.

– Ну, конечно, не без этого, всякое бывает. Попалась такая

червивая, а издали была ничего.

– А падалицу тоже ешь?

– Ну, если чистенькая, недавно упавшая, можно и падалицу.

– Ну, ты даёшь!

– Ох, люблю я малину...

Вдруг волшебник в голубом...

Мурзик не стал есть рыбу. Алла Михайловна в испуге взяла его миску и понюхала – ничего особенного, обычный рыбный запах. Поставила на место. Себе она рыбу почти не готовила – не любила её разделывать, но коту отказа ни в чём не было.

– Мурзинька, ты не заболел?

Кот поднял голову. Грустно, как ей показалось, взглянул на неё. Она взяла его на руки. Кот привычно устроился, уткнулся мордочкой, но не мурлыкал и не жмурился от удовольствия, как обычно.

– Ты не помирать ли собрался, дружок?

От мысли, что она когда-то останется без своего «полосатика», стало очень грустно. Попыталась вспомнить, сколько ему лет – двенадцать, нашла его на улице в день защиты диплома.

А назавтра случилось вот что. Как обычно по субботам после обеда, надев коту противоблошинный ошейник, Алла Михайловна вывела его погулять. Кот сидел неподвижно на жухлой траве газона, женщина стояла рядом, ёжась от холодного декабрьского ветра. К ней подошёл дворник Дмитрич с буханкой хлеба в руках. Одет он был в голубую женскую куртку, явно найденную возле мусорных баков.

– Здорово, Михална! С животинкой гуляешь?

– Гуляю, гуляю. Здравствуйте, Дмитрич.

Он не уходил. Не зная, что ещё сказать, добавила:

– Что-то долго нынче снега нет...

– А по мне – хоть бы его и вовсе не было! – дворник ку-санул буханку и пошёл домой.

Ей казалось, что она всего на несколько секунд отвела взгляд от кота, но за это время тот исчез.

– Мурзик, Мурзик! – Алла Михайловна несколько раз обежала вокруг дома, осмотрела заросли кустов во дворе, но всё было напрасно. О том чтобы вернуться домой без него, не могло быть и речи.

Солнце скрылось уже за соседним домом, похолодало. Алла Михайловна сидела на скамейке, понутив голову. Когда совсем стемнело, из подъезда вышел Дмитрич с сигаретой в зубах. Докурил, вытащил из одного кармана ватных штанов связку ключей, из другого – фонарик и спустился в подвал. Через несколько минут вышел с Мурзиком на руках. Алла Михайловна расплакалась.

– Спасибо вам, Дмитрич, дорогой вы мой!

Она сунула ему в руку несколько сторублёвок.

– И-и-и, добрая ты! А добрые-то все невезучие...

Дома Мурзик с урчанием съел мясной фарш и уснул, растянувшись в центре маленького дивана на расстеленной постели. Алла Михайловна пристроилась сбоку. В расслабленной дремоте она переключала пультом каналы телевизора, пока не уснула.

...Алла Михайловна идёт по улице. К ней подходит Дмитрич в своей голубой куртке, берёт её под руку, заглядывает в лицо. От него пахнет водкой.

– Чего ты хочешь, Михална, говори!

За его спиной оглушительно хлопают крылья... и они взмывают вверх, к облакам.

– Говори, чего хочешь? – сердито спрашивает дворник.

И, совершенно неожиданно для себя, Алла Михайловна отвечает:

– Хочу ребёнка от Смирнова Петра Андреевича!

– Так бы сразу и сказала!

Дмитрич выпускает её руку, она начинает медленно и плавно опускаться вниз и при этом ещё рассуждать. Да, от Смирнова Петра Андреевича, так она и сказала – сначала фамилию, потом имя и отчество, как в анкете. А почему же именно от него? Потому, что больше в их конторе взглянуть не на кого. В бухгалтерии есть один мужичок – Кондратьев, но ему уже за шестьдесят. Ещё в отделе продаж – тощенький Артём, молодой специалист. Восьмого марта на офисной вечеринке, перепив шампанского, из-за него подрались две девахи, стыдно вспомнить. Директор Пётр Андреевич – вот кто действительно хорош! Чистый, душистый, холёный, вежливый, а умный какой! В молодости, говорят, ходок был ещё тот, теперь зато правильный до ханжества. Ну, было бы понятно, если бы Алла Михайловна была в него влюблена, так ведь нет. Нет! Мама всегда говорила, что сук надо рубить

по себе. Этот «сук» точно был не её, уж больно красив. И вообще, Алла Михайловна боялась его как огня...

В этот самый момент она упала на что-то мягкое, белое в розовых букетиках. Огромная кровать с резной деревянной спинкой, по бокам лампы под светлыми абажурами. Алла Михайловна оказалась в ногах у лежащих на этой самой кровати... Петра Андреевича Смирнова и его жены. Жена Смирнова выронила из рук модный журнал и закричала:

– А-а-а! Вы кто?

Пётр Андреевич, опустив открытую книжку на живот, уставился на женщину:

– Никонова?! Что вы здесь делаете?

Алла Михайловна, поняв, что это уже не сон, с ужасом обхватила себя руками.

Она была в голубой ночной рубашке с гипюровой вставкой на животе. Хорошо, что после ванны не поленилась трусики надеть...

– Как вы попали сюда, Никонова? Отвечайте!

– Я не знаю...

– А вы что, знакомы? У вас тут свидание? – выпалила жена Петра Андреевича.

– Какое ещё свидание? Кто вам дал ключи от нашей квартиры?

– Никто не давал... У меня нет ключей...

Пётр Андреевич и его жена вскочили с постели.

– Лёля! Вызывай милицию!

– Не надо, не надо милицию! – лепетала Алла Михайловна, – я же вам ничего не сделала!

– Как это ничего? Вы обманом проникли в чужую квартиру! – торжественно объявил Пётр Андреевич. – Извольте объяснить, зачем вы это сделали? Да ещё в таком виде!

Алла Михайловна заплакала.

– Я никуда не проникала... Я спать легла с Мурзиком, а проснулась... здесь...

– Кто это – Мурзик? Сообщник? А вы – наводчица?

– Мурзик – это кот.

Пётр Андреевич, как был – в семейных трусах и футболке, заложив руки за спину, вышагивал по спальне.

– Петя, оденься! – сказала ему жена.

– Ой!

Он спешно стал натягивать спортивные брюки.

– Так, давайте разберёмся. Лёля, ты открывала двери этой женщине?

– Нет. Я – не открывала! А может, ты сам её впустил? – съехидничала Лёля.

– Не говори ерунды. Никонова, одевайтесь и уходите отсюда немедленно!

– Да, да, я уйду, конечно, уйду... только мне надеть нечего... и обувь.

– Куда вы дели свои вещи? Лёля, поищи её одежду.

– Нет у меня вещей. Я же спать легла...

– А, вы их в окно выбросили сообщнику?

Пётр Андреевич отдёрнул штору и посмотрел в окно. Одинокий фонарь освещал пустую детскую площадку. Мигали огоньки сигнализаций припаркованных у подъезда машин. Никого не было.

Зашла жена Смирнова.

– Никаких чужих вещей у нас в квартире нет.

– Что за мистика!

Аллу Михайловну бил озноб.

– Лёля, поставь чаю, пожалуйста, её трясёт всю.

– Хорошо.

Лёля вышла.

Пётр Андреевич присел рядом с женщиной.

– Послушайте, Никонова, пока мы одни, признайтесь честно... Кто послал вас сюда?

– Никто...

– Ну, бросьте... Я же чувствую, догадываюсь... в министерстве под меня копают... кто-то из замов... хотят на моё место какого-нибудь сынка посадить, недоросля. Кто послал вас собирать компромат на меня?

– Какой компромат? Хотя, я теперь знаю, что вы перед сном Толстого читаете. Так за это с должности не снимают. А может, вы думаете, что на мне микрофоны или камеры... общите меня...

Она встала и покорно развела руки в стороны. Под сорочкой отчётливо просвечивало тело. Мельком взглянув, Пётр Андреевич отвернулся.

– За кого вы меня принимаете?

Министерская подковёрная борьба всерьёз занимала его, он всё не мог успокоиться:

– Кто же, кто? Шайдуров или Сергиенко?

Услышав знакомую фамилию, Алла Михайловна немного пришла в себя.

– Ну, уж точно не Сергиенко. У него нет никаких сынков. Я с его дочерью училась. Она преподаёт, диссертацию пишет. И вообще, не такой он человек. Мы много лет общаемся.

– Вот узнает замминистра, что вы в чужой дом залезли...

– Никуда я не влезала, я спала уже и сон видела, – она вспомнила, о чём был сон, и покраснела. – На улице мороз, как я в одной сорочке к вам доехала? Я даже адреса вашего не знаю. Вы на какой улице живёте?

– На Монастырской.

– А я – на другом берегу, на Спортивной...

Заглянула Лёля:

– Чай готов.

– Идёмте, Никонова. Лёля, дай ей... халат какой-нибудь.

Часы с кукушкой над кухонным столом пробили полночь. Алла Михайловна, кутаясь в велюровый халат, не поднимая глаз, глотала горячий чай. Пётр Андреевич с интересом разглядывал экономиста Никонову, на которую отродясь не обращал внимания. Лёля с ревностью проследила за его взглядом и не сдержалась:

– Как же вам хватило наглости заявиться в дом к своему директору? Рабочего времени уже не хватает романы крутить?

Алла Михайловна вскочила.

– Спасибо за чай. И... извините меня, я не хотела никого беспокоить, я не нарочно... Я пойду. – Она ринулась в коридор.

– Скатертью дорога! – Лёля нервно гремела замками.

Алла Михайловна поджимала босые ноги не столько от холода, сколько от предстоящего ужаса.

– Лёля! Как тебе не стыдно! Ей же не в чем идти!

– А тебе её уже жалко? Может, втроём спать ляжем? Приволок в наш дом... неизвестно кого! – она гордо зашла в спальню и хлопнула дверью.

– Денег, я так понимаю, у вас с собой нет?

– Нет, конечно. Ни денег, ни ключей.

– Дома есть кто-нибудь?

– Только Мурзик.

– Кроме кота кто-нибудь есть у вас? Переночевать вам есть где?

– Да. То есть нет – мама в санаторий уехала. Подруга на даче, звала меня, да я не захотела... Хотя, ключ запасной есть на пульте охраны.

– Вот телефон, звоните.

– Аллё, здравствуйте. Это говорит «Весна-56». Я дверь захлопнула... вышла на минутку в одной сорочке, босиком...

Пожалуйста, я вас очень прошу.

– Ну и?

– Она говорит – берите паспорт и приезжайте за ключом сами.

– Наберите номер ещё раз, я сам поговорю.

Пётр Андреевич заговорил суровым начальственным голосом:

– Аллё! Здравствуйте! Это пульт охраны? Послушайте, ваша «Весна-56» в одной ночной сорочке, босиком и заметьте – без паспорта и без денег находится в чужой квартире. Она никоим образом не может приехать к вам за ключом. Пожалуйста, привезите ей ключи. Она предъявит вам паспорт дома, и штраф заплатит... и всё что положено. Вот видите, оказывается, можно решить проблему. До свидания.

Он повернулся к Никоновой:

– Не волнуйтесь, привезут. Оденьте вот... куртку эту, кроссовки. Это дочкино, она в Москве учится.

Пётр Андреевич тоже стал одеваться. Проверил карманы пуховика.

– Ключи от машины есть, права на месте...

– Пётр Андреевич, неудобно, ночь уже... Я на такси доеду прекрасно.

– Позвольте мне самому решать, что делать. Уж довезу вас до дому сам, удостоверюсь, так сказать.

Мчать по пустому ночному городу было одно удовольствие. На Спортивную улицу добрались за двадцать минут.

Ещё десять минут ждали в машине, пока оперативная бригада охранной фирмы привезёт ключи. Все вместе на лифте поднялись в квартиру. За дверью орал кот. Алла Михайловна замёрзшими руками долго открывала двери. Мурзик, увидев чужих, сиганул в комнату. Оперативник внимательно изучал паспорт.

– Никонова Алла Михайловна?

– Да.

Вернув ей документ, охранники уехали.

– Господи, неужели я дома? Я вам так благодарна... вы со мной так... по-доброму... И простите меня, пожалуйста, такое глупое недоразумение. Надеюсь, с женой не поссоритесь из-за меня.

Пётр Андреевич в первый раз улыбнулся ей.

– Может, чаю или кофе? Согрейтесь.

– Кофе, если можно.

– Проходите, пожалуйста, я сейчас... переоденусь только.

– Вы кофе сами варите?

– Да, сама. У меня растворимого нет. Вы натуральный не любите?

– Люблю. Хорошо у вас, уютно.

– Спасибо. Вот сахар, сливки.

На кухню вошёл Мурзик. Сел возле Петра Андреевича, долго на него смотрел, и вдруг запрыгнул ему на колени.

– Надо же, он ни к кому на руки не идёт. Он вам не мешает?

– Нет, он тёплый. Я зверей люблю. У Лёли аллергия, поэтому не держим.

– Ой, третий час уже... вам домой пора.

– Сейчас поеду. У вас руки совсем синие. В доме коньяк или водка есть? Вам согреться надо хорошенько.

– Ликёр есть, немного. Подруга приносила.

– Давайте по чуть-чуть.

– Давайте. А ничего, что вы за рулём?

– Ничего, ночью спят все. Так, вставайте, руку сюда – будем пить на брудершафт.

– А потом... надо целоваться?

– Обязательно.

Мурзик ходил вокруг и тёрся об их ноги.

Утром, оглядев засыпанную снегом улицу, Дмитрич горестно вздохнул:

– Й-эх! Навалило-то! До ночи не разгребёшь...

Было... не было

– Тю-ю! – протянула Олеська, – вот у меня было страдание – острый цистит, понос и месячные – всё враз! Это я понимаю. А любовь – что это за страдание? Я так скажу – бери его за рога и в койку. Там вместе и пострадаете, – она так сладко потянулась, что расхохотались все – и заведующая лабораторией Таисия, которая уже целый месяц не улыбалась, а только плакала втихомолку. Она всё не могла решить, что ей делать – то ли ехать в Канаду к младшей дочери, которая недавно родила вторую девочку, то ли оставаться возле старших детей и внуков, а ещё дача и работа... Смеялась сквозь слёзы рыженькая практикантка Катюша, минуту назад рыдавшая оттого, что недоступен телефон какого-то неведомого им одноклассника Андрея. Старший инженер Надежда вдруг погрузилась, встала из-за стола, выплеснула недопитый чай в раковину.

– Пойдёмте работать, девочки.

Катя, сидевшая у окна, встрепенулась:

– Ой, к нам Казарян идёт, несёт чего-то... Опять тебе подарки! – она лукаво взглянула на Олеську. Та вспыхнула.

– Ерунду не говори.

– Что же там такое? – уткнувшись носом в стекло. – Не видно.

Через мгновение в здании лаборатории хлопнула дверь.

Олеська хотела метнуться к столу и уставиться в микроскоп, как она обычно делала при его появлении, но что-то её удержало.

– Добрый день, красавицы!

– Здравствуйте, Артём Рубенович!

Таисия Матвеевна и Катюша, не сговариваясь, поднялись и вышли в соседний кабинет.

– Олесья, вы малину любите? Я утречком собрал на даче, – он выставил из пакета двухлитровую банку, полную алой отборной ягоды.

– Зачем? Не надо... Спасибо, конечно, – она окаменела от стыда. Зачем он? На глазах у всех! Это же стыдно! Он старый, лысый. Ужас какой!

– Олесья, вы ешьте, не стесняйтесь. Или варенье сварите. Вы умеете варенье варить?

– Умею, – буркнула она, глядя в пол.

Он резко повернулся и направился к двери.

– Таисия Матвеевна, тут такой вопрос...

* * *

– Олесья, а ты что, обедать не будешь? Суп такой вкусный!

– Я пойду... в столовую схожу.

– Что, жить надоело? Сходи, сходи, отравись, – рассмеялась ей вслед Катюша.

Хотела посидеть в скверике у конторы, но там в сигарет-

ном дыму щебетали девицы из планового и бухгалтерии. Зашла за угол и... упёрлась взглядом в плакат «Слава труду!». Слава, Слава, опять Слава... Вся территория комбината ими увешана, чуть не с советских времён, и не делается же им ничего! А может, это уже новые? Красномордый рабочий в красной рубашке с закатанными рукавами поднял вверх кулак и грозит кому-то. Олеся взглянула в бледно-голубое небо с малюсеньким облачком. Кому тут грозить? Инопланетянам? Здесь самолёт-то редко увидишь. Она отвернулась от плаката и зашагала прочь. Слава, Слава, что ж ты наделал...

Из столовой доносился аромат свежей выпечки. Зайти, поесть, что ли... Навстречу ей шла толпа молодых парней в спецовках – курят, ржут, беззлобно матюкаются... Поравнявшись с ней, вежливо здороваются. Она кивнула в ответ. Слава не любил работяг. Звал их «быками». За глаза, конечно. На работе был со всеми вежлив, иногда даже излишне, с плохо скрываемой издёвкой. Слава спал и видел себя на должности начальника цеха, а пока он был только «исполняющим обязанности». Но руководство нашло кандидата на стороне. Слава обиделся, написал заявление, а его взяли да подписали, и никто его не уговаривал остаться, кроме неё...

– Здравствуйте, Олеся Николаевна!

– Здравствуйте, Вячеслав Николаевич!

Он нарочно слегка толкает её поднос своим. Борщ весело колышется в тарелке. Слава пытается выглядеть серьёзным, но в глазах хулиганские серые искры. Счастье не скроешь.

Молодые, здоровые, полные сил и желаний – утром вставали вместе, вместе шли на работу, и так сладко и томительно ждали вечера... Нет, нет, не вспоминать! Не было... ничего не было...

* * *

Вечером везла банку с осевшей уже ягодой в свою комнатку в общежитии. Странно, что ей ещё не подселили никого. Комната хоть и маленькая, но рассчитана на два койко-места. Раньше подруга Соня, работавшая дежурной по общежитию, «прикрывала» её, можно было на этот счёт не беспокоиться.

Соня понравилась ей сразу. Бледное миловидное личико, тихий голос, грамотная речь, широкий кругозор...

– Соня, а ты где раньше работала?

– В школе.

– На комбинат тебя как занесло?

– Меня выгнали из школы.

– За что?

– За пьянку.

– Чего? Не ври!

– Я не вру. Напилась, забылась... На уроке уснула.

И всё это тихим голосом, потупив глазки.

– Где ж ты пить научилась? В яслях?

– В общеаге, когда училась. Все пили, и я пила... Привык-

ла.

Катюша есть малину не стала – у неё аллергия. У Таисии и Надежды свои дачи – урожай девать некуда. Высыпала ягоду в кастрюльку, добавила сахар. Включила телевизор и завалилась на кровать. Вот и ужин готовить не надо. Ложка за ложкой, ложка за ложкой... Вкусно было, Артём Рубенович. Но всё равно – стыдно. Стыдно потому, что он знает о ней всё. Посмотришь в его умные цепкие глаза – даже мысль не закрадётся, что главный технолог Казарян может чего-то не знать. И про Славу знает, ведь они уже фактически жили вместе, и про других – наверняка. Это и есть самое ужасное.

Потому что, когда Слава уехал, жизнь кончилась. Пару месяцев она лежала на койке и редела с утра до ночи. Накрылся отпуск... Собирались лететь в Краснодар к её родителям, потом на море... Однажды вечером пришла Соня, принесла бутылку вина... И понеслось. Каждый вечер они напивались в кафе, с кем-то знакомились, куда-то ехали.

Бились, тикали в груди какие-то бесовские часы – уходит время, уходит молодость. Пожить, повеселиться, и не дай Бог влюбиться в кого-нибудь – чтобы опять было больно, когда тебя бросят? Ну уж нет! Соня допилась до того, что перестала ходить на работу и её опять уволили. Приехала Сонькина мать, кричала на Олеську, что она споила её доченьку. Кто – кого, это ещё разобраться надо. Олеська получила «строгача» за систематические опоздания. Таисии спасибо, пожалела, могло быть и хуже.

На часах полдесятого – звонить ещё можно.

– Таисия Матвеевна, добрый вечер! Не спите ещё?

– Привет, дорогая! Нет, не сплю.

Олеся молчала. Деликатная Таисия тоже.

– Таисия Матвеевна, что мне делать?

– А мне что делать, Олесечка?

– Поезжайте к дочери! На мир поглядите. Не понравится – вернётесь!.. Я тоже хочу куда-нибудь уехать.

– Ты про Артёма спросить хочешь?

– Нет... Да... Я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Что он будет меня попрекать... Славой и... другими.

– Он уже два года, как жену схоронил. Один мается. Какие уж тут попреки?

Олеська хотела сказать, что ей одной не так уж и плохо, но осеклась.

– А мне сейчас внучка звонила. Ей родители пианино купили, она же весной в музыкальную школу поступила. Трубку положила на инструмент и давай мне тренькать чего-то...

О своих детях и внуках она могла говорить бесконечно. Олеська слушала, в какой-то момент прикрыла глаза и задремала. Во сне она варила варенье. Налила его в суповую тарелку и сказала стоявшему рядом Артёму Рубеновичу: «Сла-

ва, иди обедать!»

Бедность

– Машка, ты с ума сошла, он же старый!

– Да? обыкновенный...

– Дай-ка я ещё раз на него взгляну, – Лиза потянулась к Машиному мобильнику и опрокинула недопитый бокал. На скатерти расплылось красное пятно.

– Господи, опять! Эта скатерть какая-то несчастливая, вечно мы на неё проливаем. Дай соль скорее.

– Да ну, брось, отстираю.

Маша взяла телефон, выбрала фотографию из «Галереи», протянула Лизе.

– Ты поэтому машину раз в три дня берёшь, когда он на смене?

– Да.

– Плоховато видно.

– Не могла же я ему сказать: «Улыбнитесь, вас снимают!»

– Лицо у него... нездешнее какое-то. Заграничное. Этакий... Карлос. Что-то в нём есть. В молодости, наверное... ух!

– Какой ещё «Ух»?

– Если бы я не знала, что он охранник, я бы с ним замутила не раздумывая.

– Я бы тоже.

– Ну и?

– Я ему не нужна.

Маша залилась слезами. Лиза смотрела на подругу и не знала, что сказать. Если мужик тебя не хочет – хоть тресни... Она вспомнила, как разводилась с мужем и тоже заплакала.

– Что им, козлам, надо, а?

– Не знаю.

Зазвонил сотовый. Маша быстро утёрла слёзы.

– Слушаю. Уже подъезжаешь? Нет, не надо. А, хлеб кончается. Пока.

Лиза поднялась.

– Ну всё, я побежала.

– Лиза, останься, вместе поужинаем. Мне с Димой в последнее время тяжело наедине разговаривать.

– Нет, не могу – Ванюшка дома один. Встречай своего олигарха. Слушай, у меня завтра отгул, а в меховом распродажа начинается, может, поедем, глянем?

– Конечно. Ванюшку отведёшь в сад и приходи.

– Ага, пока, – Лиза уже поднималась по лестнице к себе – на два этажа выше.

В дверь позвонили. Маша почти сразу открыла. Дима радостно улыбнулся жене:

– Привет, Зайка!

– Привет! – забрала у него пакет с хлебом, пошла на кухню.

– Чем пахнет?

– Мясо жарила.

А-ах! Скатерть вином залита, быстро собрала приборы со стола.

Когда Дима в махровом халате, с влажными после душа волосами, пришёл ужинать, стол уже был сервирован, в центре на блюде – отбивные, источающие жар и аромат.

– Ну ты у меня молодец! – Дима поцеловал жену в щёку.

Открыл бар, выбрал бутылку красного вина. Точно такую же, недопитую, Маша предусмотрительно спрятала в кухонном шкафу.

– За тебя, моя красавица!

– За тебя, Димочка!

– Кстати, а повод есть – я уже билеты через Интернет купил.

– Какие билеты?

– В Вену. Серёга с Танькой нас уже ждут. Поедем все вместе на лыжах кататься.

Маша чуть не подавилась:

– В Вену? Когда?

– Через неделю.

– Так скоро?

– Да ты же мне все уши прожужжала про эту Австрию – хочу, хочу, аж хохочу! Уже не хочешь?

– Неожиданно просто. А Оленька? С нами?

– Что ей там делать? Она ещё слишком маленькая.

– Четыре года – не такая и маленькая. Можно на лыжи ставить.

– Зая, давай в другой раз с ней специально поедem. Тем более, у них детей нет. А ей на даче с бабушкой нравится, она даже домой не просится. Там собака, кошка – мы ей не очень-то и нужны.

– Я соскучилась. Не хочется ехать без неё.

– Села бы в машину и навестила бы дочку, мамаша!

– Я опять запутаюсь на этой новой развязке, сверну не туда!

– Ладно, в субботу вместе поедem.

Она смотрела на Диму и думала: «Я никуда не хочу ехать. Ни с тобой, ни без тебя. Я хочу быть там, где он».

В спальне Маша не раздеваясь прилегла на кровать, уткнулась лицом в подушку. Ей было так грустно, что хотелось плакать. Зашёл Дима.

– Ты чего не ложишься?

Наклонился к ней, дохнув запахом зубной пасты, поцеловал в шею. Маша смотрела на него. «Боже, да он волнуется, как в первый раз... Любит меня. И он... счастлив. Почему же я ничего не чувствую, ничего... Ведь он красивый, умный, успешный. Ребёнка родили, коттедж для мамы купили, машины меняем чуть не каждый год. Ведь я должна быть счастлива... должна... Никому я ничего не должна...»

Во время близости Дима, как обычно, спросил:

– Тебе хорошо?

– Да, милый, очень, – привычно солгала она.

Муж уснул. Маша осторожно выбралась из кровати, про-

шла в ванную. Включила воду. Лёжа в ванне, машинально взяла Оленькиных резиновых утят, пустила их в плавание. «Почему я за него вышла? Ну в школе дружили, на курсе считались самой красивой парой. Больше, чем он, мне никто не нравился. Всегда рядом был, постоянно твердил о своей любви... А мне что, всё равно было? Нет, мне это льстило. А близости с ним я хотела? Нет. Просто привыкла, как к другу. Уступила ему до свадьбы просто из жалости – эта постоянная нетерпеливая мука в глазах. Если бы он не требовал, мне и не надо было? Тогда? Кажется, я прохлопала свою жизнь...»

* * *

Утром вместе с Лизой отправились за машиной. Парковка дорогая, элитная, под новомодной пластиковой крышей. Вход только для своих. Каждый выезд и въезд фиксируются видеокамерами и росписью в журнале. Они поднялись в служебное помещение. Лиза огляделась, села в кресло нога на ногу.

– Миленько тут у вас.

Анатолий подвинул журнал Маше:

– Распишитесь.

Маша, не поднимая глаз, взяла ручку.

– Вы на военного похожи, служили раньше? – игриво улыбаясь, спросила Лиза.

– Служил.

– А почему охранником стали?

Мужчина усмехнулся:

– Мне шестой десяток уже, думаете, у меня выбор есть?

Жена болеет, лекарства дорогие.

Лиза посерьёзнула:

– А что с женой? Я врач. У нас в клинике очень хорошие специалисты. Может, консультация нужна?

– Ей покой нужен. Волноваться нельзя. Сердечница она.

– Вы правы. Но всё же подумайте насчёт консультации.

– Спасибо.

– Лиза, пойдём... – Маша первой выскочила из служебки.

– А одеколонец-то у него паршивый, – шепнула Лиза, догнав подругу.

Ехать надо было на другой конец города, путь неблизкий. Долго молчали.

– Машка, а ведь он тебя любит.

– С чего ты взяла?

– Он ни разу не посмотрел на тебя. И вообще, вы себя ведёте так, будто вам есть что скрывать... Счастливая ты, – подруга отвернулась и прикрыла глаза рукой.

Маша всю дорогу улыбалась – ничего не могла с собой поделать.

Открывшийся в прошлом году «Центр меха» в городе сразу прозвали «Центр смеха». Хозяин, несомненно обладающий чувством юмора, тут же запустил по телевидению ре-

кламу: «В “Центре сМеха” – смешные цены! Приходите, повеселимся!» Часто устраивались акции и распродажи – народ валил валом. За три часа обошли все пять этажей меховых джунглей, в глазах зарябило от шуб.

– К Егорушке пойдём?

– А как же!

На третьем этаже находилась уютная кофейня. Молодой бариста Егор с удовольствием готовил кофе и всех посетителей встречал как своих друзей. Постоянных клиентов знал по именам и помнил все их предпочтения.

Маша и Лиза уселись на свои излюбленные места за стойкой у стеклянной стены. Огромная стоянка на пересечении трёх дорог, справа – роща, слева – новостройки. Пейзаж впечатляющий. Словно паришь над всем этим. Пакеты с одинаковыми турецкими дублёнками пристроили под стойкой.

– Здравствуйте, Маша, – Егор поставил перед ней чашку капучино и кусок творожного торта.

– Здравствуйте, Лиза.

Ей – горячий шоколад и слойку.

– Здравствуйте, Егор. Спасибо.

«Надо же, я видела его всего пять минут и счастлива целый день», – думала Маша.

Лиза поглядывала на подругу: «Светится вся! От какого-то охранника... А впрочем, какая разница – охранник, кофевар... был бы человек хороший». Она оглянулась на Егора. Тот широко и простодушно улыбнулся ей. Лиза не удержалась.

жалась и улыбнулась в ответ.

* * *

– Чёрт, какая жёсткая!

Маша стригла ножницами пластиковую ключ-карту от входа на стоянку. «А вдруг сегодня не его смена? – она бросилась к календарю. – Нет, должна быть его...» Тщательно собрала кусочки, сложила в пакетик, пакетик в карман. Дома выбрасывать нельзя – вдруг Дима найдёт. По дороге на автостоянку, воровато оглянувшись, бросила в мусорный контейнер. У входа отдышалась, нажала кнопку вызова охраны. Анатолий открыл ей.

– Здравствуйте. Ключ забыли?

– Здравствуйте. Я, кажется, его потеряла. Нигде не могу найти, всё обыскала. Что теперь делать? – она старалась говорить бодро и непринуждённо.

– Машину брать будете?

– Нет. Я завтра уезжаю...

– Надолго?

– На неделю.

– За это время новый сделаем. Только заявление напишите о пропаже, и оплатить надо.

Маша села за его стол.

– Что писать?

Анатолий стал диктовать. Ну вот, готово, Маша встала.

– Давайте-ка я вам временный пропуск выпишу, мало ли что.

Он достал из ящика стола бланки. Маша стояла рядом и не сводила с него глаз. «Отдала, всё бы отдала, только бы один раз обнять его...»

Анатолий резко встал, протянул ей пропуск. Рука его заметно дрожала. Маша, едва дыша от волнения, не отрываясь, смотрела ему в глаза.

– Мария Вадимовна, не смотрите на меня так... Я не железный всё-таки.

Расстегнул верхнюю пуговку своей фланелевой рубашки. «Что, прямо здесь?» – подумала Маша, и эта мысль совсем не ужаснула её. Анатолий на ощупь вытащил дешёвый кре-стик на замурзанной верёвочке.

– Машенька... Я слово дал... жене больше изменять не буду. Она и так натерпелась...

Сжимая в руке пропуск, Маша шла по улице. Только бы не разреветься на людях. Она побежала. Это невозможно, разве может быть так больно? Что теперь делать, куда девать эту боль? Дома включила музыкальный центр на полную мощность, упёрлась в него лбом и страшно, истошно закричала.

* * *

Сумки уже выставлены в коридор, через пятнадцать минут подъедет такси.

Маша бродила по квартире: сердце сжимала тревога – словно она забыла о чём-то важном... Билеты и паспорта у Димы – он очень собранный. К маме съездили, полюбовались на её роскошные клумбы. Оленька пять минут повисела на родительских шеях и убежала играть с деревенскими детьми. С Лизой и Ванечкой простились...

Маша взяла сумочку, зашла в спальню, прикрыв за собой дверь. Из потайного отделения вынула выписанный Анатолием пропуск. Смотрела на его жуткие каракули, пока буквы не начали раздваиваться. Поднесла к лицу и почувствовала запах дешёвого одеколona. Маша с жадностью вдохнула его, прижала бумажку к губам.

– Что ты делаешь? – перед ней стоял Дмитрий. – Что это у тебя? – потянул пропуск к себе.

– Отдай! – закричала Маша. – Это моё!

Муж удивлённо переводил взгляд то на неё, то на бумагу.

– Возьми.

– У меня больше ничего нет! Ничего!

Этот день...

Дорогой Ирине – от всего сердца

– Доклад будут готовить... Иванцова и Лисятникова. Тема большая, разделите пополам. – Татьяна Ивановна обвела взглядом группу. – Или есть другие желающие?

Раздался звонок. Студенты дружно устремились к выходу. Ксения Иванцова остановилась в коридоре, поджидая медлительную полную Полину Лисятникову.

– У тебя есть что-нибудь по теме или сразу в библиотеку пойдём?

– Давай сразу в библиотеку. Ты какой раздел хочешь – первый или второй? Тебе какой больше нравится?

– Мне всё равно. Давай мне первый.

Взяли стопку книг, в читальном зале свободных столов почти не было.

– Пойдём ко мне в общежитие, – предложила Полина.

– Ты правда в одной комнате с Севрюговой живёшь?

– Правда.

Пятикурсница Севрюгова была «притчей во языцех» на факультете. Из далёкой деревни, умнющая, сама платила за учёбу – постоянно где-то работала – то в психушке санитаркой, то ещё похлеще – чуть ли не в морге. Где больше платили. Родители ей почти не помогали – дома осталось ещё

трое детей. Не курила, не красилась, не наряжалась – у неё «на эту чушь» денег не было.

– Ну и как она, злая?

– Да что ты, она хорошая, обо всех заботится, за порядком следит. Там в некоторых комнатах такое творится, ты себе не представляешь, а у нас – чистота, порядок – учись спокойно.

Ксения взглянула на Полину – вот уж для кого учёба – главное. Поступила на «бюджетку», на лекциях сидит в первом ряду, записывает слово в слово, а могла бы и не записывать – у неё память, как диктофон.

– Только... Я сегодня дежурная, буду ужин готовить, а ты занимайся, ладно?

– Ладно.

Так она и познакомилась с комнатой номер двадцать семь: с Ириной Севрюговой, с Аней и ещё одной Полиной из параллельной группы.

Ксения копалась в книгах, кое-что конспектировала, успела не всё, конечно, а Полина уже накрывала на стол – варёная картошка, политая растительным маслом, суп из пакета, чёрный хлеб, майонез и ломтики сала – с розоватым отливом, пахнущие чесноком...

– Ну, я домой пожалуй...

– Поешь с нами, – пригласила Севрюгова.

– Оставайся, – улыбнулась Полина.

– Девочки, руки мыть!

Было очень весело слушаться строгую Севрюгову. Усе-

лись за стол. Хлеб мазали майонезом, с супом и картошкой было вкусно. Ксения уже сто лет не ела с таким аппетитом. Когда дело дошло до чая, выяснилось, что нет заварки. Ира взглянула на Лисятникову:

– Полина, ты же дежурная, почему не купила?

– Я забыла, Ирочка... Я сейчас схожу в двадцать пятую, попрошу...

– Какую двадцать пятую? Мы утром у них занимали, обещали отдать, между прочим...

Светлокожая Полина вспыхнула, как маков цвет:

– Я сейчас... У меня есть...

Полезла в шкаф, что-то двигала, пыхтела, достала литровую банку, на треть заполненную клубничным вареньем, внутри – большая ложка.

– Вот это да! Ты его ночью под одеялом ела? Знаешь, как это называется? Хомякова ты, а не Лисятникова.

– Я больше так не буду...

Банку залили кипятком, получился морс. Пряники с морсом – тоже ничего.

В дверь постучали.

– Можно?

– Можно! – крикнули хором.

– Здравсьте... Ира, ты искала последний роман Коэльо... Я принёс...

Севрюгова подошла к стоящему в дверях парню.

Ксюше очень хотелось посмотреть, кто это там блеет, но

все так старательно глядели в окно, что она не решилась.

– Спасибо, – Севрюгова бросила книжку на кровать и вернулась за стол.

– Можешь обратно не отдавать... Роман – чушь совершенная... Выкини...

– Зачем же, я отдам...

Разлилось неловкое молчание. Но визитёр не сдавался:

– Вы всё едите, едите... Смотрите, не растолстейте...

Пышнотелая Лисятникова опустила голову и густо покраснела.

Севрюгова вспылила:

– Ты что – пришёл аппетит нам портить? Ешьте, девочки, не слушайте его! – возмущённо откинула назад волосы.

Ксения изумилась – да она же красавица! Зелёные миндалевидные глаза, брови чёрные – дугой... Её бы причесать, нарядить... Но она явно не хочет выставлять себя напоказ, вроде как прячется в своём сером растянутом свитере...

– До свидания.

Дверь хлопнула. Девчонки расхохотались:

– Ну даёт, Презик.

– Кто? Резик?

– Презик.

– Почему... Презик?

– У него в каждом кармане – презики. Он – за безопасный секс.

Ксения открыла входную дверь, в коридоре стояла мама:

– Привет, чего так поздно?

– В общежитии была, нам с Полиной доклад один на двоих дали...

– С телефоном что? Почему недоступен?

– Забыла вчера на зарядку поставить.

– Понятно. Иди кушай скорей.

– Да я поела.

– Где? В общежитии?

– Угу.

– Не стыдно тебе людей объедать?

– Пригласили, неудобно было отказываться...

– Я-то наготовила... Картошку с мясом тушила, салат сделала... есть некому.

– Папа где?

– С американцами поехал на какой-то объект.

Сергей Александрович работал в совместной русско-американской компании по импорту... экспорту... чего-то... куда-то – девушка никак не могла толком запомнить. Отца она просто обожала – высокий, красивый, умный, выглядит как директор банка, спортом занимается, по-английски говорит... Мама рядом с ним серая мышка – на работу одевается слишком строго, почти не красится – учительница, что

поделать.

Мама села проверять тетради. Справа стопка проверенных, слева – непроверенных. Слева почему-то всегда выше.

* * *

Очередь в буфете продвигалась медленно. Ксения смотрела на часы – до начала пары всё меньше и меньше, а есть хочется... Позавтракать не успела – проспала. Вчера допоздна «чатились» с Юлькой – она в Москве учится. Собирались ехать вместе, но в последний момент отец её не пустил, они тогда даже с мамой поругались. Мама считала, что жизнь в общежитии только на пользу: избалованная дочка станет самостоятельной. Отец кричал, что не допустит, чтобы ребёнок питался чем попало и подвергался соблазнам... Впереди осталось два человека, потом один – худой светловолосый парень, вдруг к нему подскочил другой, с возгласом:

– Илья, ты на меня очередь занял? Спасибо.

Ксения горько вздохнула – теперь точно не успеет. Наглец оглянулся и картинно развёл руки:

– Боже мой! Я обидел вас, прекрасная фея! Что вы собирались покупать? Феи питаются, кажется, лепестками роз?

Он самым серьёзным образом спросил у буфетчицы:

– Сегодня в меню есть лепестки роз?

Очередь захихикала.

– Нет, – грубо прозвучало в ответ.

– Что вы хотели купить, моя нимфа?

– Чай и пирожок... – девушку трясло от смеха.

– С чем пирожки нынче?

– С капустой, с картошкой...

– Нет, вы не можете это есть.

Повернулся к прилавку:

– Дайте, пожалуйста, пирожное, только самое свежее...

– У нас весь товар свежий, утром из пекарни привезли, – обиделась продавщица.

– Ну, тогда... Вон то пирожное с вишенкой и горячего шоколаду даме. Сколько с меня?

Они сидели за столиком втроем – Ксения, Илья и новоявленный ухажёр – Максим. Девушка смеялась над его шутками и не могла есть. Илья попытался пару раз принять участие в разговоре, но понял, что эти двое видят только друг друга. Помрачнел, замолк, быстро доел, поднялся:

– Макс, ты идёшь?

Тот, не отрывая взгляда от Ксении, только махнул рукой.

– Ну как знаешь, – с раздражением процедил Илья и вышел.

Прозвенел звонок, буфет опустел. Максим левой рукой обнимал Ксению за плечи, а правой осторожно кормил её пирожным. Он близко наклонился к ней, она глядела на него не отрываясь – тёплые карие глаза, румянец на смуглой коже, тёмно-розовые красиво очерченные губы... Он красавец, красавец, как ему идёт синий свитер, а парфюм какой – про-

сто невероятный... Она чувствовала тепло его руки сквозь тонкую водолазку – хоть бы этот миг никогда не кончался... Кажется, звонок уже давно прозвенел... Какая ерунда... Они шли обнявшись по коридору, не сговариваясь повернули к лестнице на цокольный этаж, где физкультурные раздевалки. Едва попав в прохладный полумрак, начали целоваться – горячо, жадно... Мимо прошмыгнула стайка хихикающих девиц... Плевать на них, плевать на всё... Быть рядом с любимым, подчиняться ему – в этом главное, суть всей жизни. Остальное – пустота...

– Ты где живёшь? – тихо спросил Максим.

– Через три остановки... на автобусе...

– Поехали к тебе...

– Поехали...

Позже она не могла толком вспомнить – как они ехали, как пришли к ней домой... Она удивилась самой себе – оказывается, если любишь – ничего не стыдно, а всё правильно, и по-другому быть не может – они должны быть вместе...

Одно она помнила точно – он не записал её телефон. Ну и что, ведь он знает, где она живёт.

* * *

В воскресенье, как обычно, обедали все вместе. Мама приготовила дочкин любимый суп с фрикадельками, папин любимый плов. Ксения испекла яблочный пирог.

Девушка выловила фрикадельки и через силу допивала бульон. Суп казался безвкусным, да и есть совсем не хотелось, если честно. Она ещё не привыкла к самой себе – новой, к тому, что Максим – это теперь самая важная часть её жизни, а всё остальное – подруги, семья, учёба – отодвинулось в какую-то даль...

Отец читал сложенную газету; мама забрала у него суповую тарелку, подала второе. Он рассеянно тыкал в плов вилкой и всё оглядывался на часы.

– Торопишься куда-то? – в голосе мамы слышалась тревога.

– Да... презентация сегодня... у конкурентов... надо быть обязательно, – с деланным недовольством ответил отец.

– Папа!

– Что?

– Ты нас любишь?

– Конечно, люблю, – он вдруг рассердился. – Дай поесть спокойно!

К яблочному пирогу никто так и не притронулся. Ксения смотрела на Сергея Александровича – и не узнавала его. Этот человек – злой, непричёсанный, в майке и растянутых трениках – её отец? «Отчего злой – оттого, что не хочет идти на презентацию или его ждёт кто-то и ему не терпится уйти? А может, и не на презентацию вовсе... Интересно, а Максим себя дома как ведёт? Также? Нет, у нас всё будет по-другому, у нас всё будет красиво...» – размышляла Ксения, пока

мыла посуду. Послышалось, что отец зовёт её, и она вышла в коридор.

– Валя! Где мои брюки? – отец в трусах, носках и белой рубашке стоял перед открытым гардеробом. Мама уже спешила на помощь:

– Да вот же они!

– А ремень где? Какого чёрта ты вытащила ремень из брюк?

– Я их стирала.

– Зачем?

– Они были уляпаны.

– Чем уляпаны? Что ты выдумываешь?

– Не знаю чем... И знать не хочу. Вот твой ремень.

Отец дёрнул ремень к себе, пряжкой оцарапав ей руку. Опустив голову, она пошла на кухню за аптечкой. Сергей Александрович бросился за ней:

– Валя... я не хотел... я нечаянно... ну прости меня, прости... Валечка...

Дочка искоса поглядывала, как отец вдевал ремень в брюки трясущимися руками.

– Пап, а почему ты маму не зовёшь с собой на презентацию?

– Что ты встречаешь, куда не просят! Дай мне одеться, наконец... Выйди отсюда!

Ксения закрылась в своей комнате. Бросилась на кровать, зарылась лицом в подушку. «Где ты, Максим, где? Я сойду с

ума без тебя!» – слёзы текли безостановочно. Через некоторое время послышался стук в дверь. Раздался голос отца:

– К твоему сведению, я её звал... Но она уже полгода со мной никуда не ходит. Ей, видишь ли, лень купить себе новое платье...

Девушка даже не шевельнулась.

– Девочки, я ушёл, закрывайтесь!

Лязгнула железная дверь. Через пару минут она вышла из своей комнаты. В коридоре стоял запах французской туалетной воды и... тишина. Валентина Михайловна приводила в порядок содержимое шкафа после отцовского «вторжения». Пластырь на её руке потемнел от крови.

– Болит? Давай я тебе помогу, – Ксения собрала с пола рубашки и галстуки, развесила.

– Ты правда сама с ним не хочешь никуда ходить? Вы же раньше везде вместе бывали... Ты когда нарядишься, от тебя глаз не отвести...

– Скажешь тоже... Мне эти презентации даром не нужны – пустая трата времени. Какие они скучные люди – его коллеги. Женщины завистливые – друг друга оценивают по одежке и жёлчью исходят, ты бы их видела... Да и это всё ничего... Если бы...

– Что – если бы?

– Если бы Сергей мне внимание уделял, хоть чуть-чуть... Волочится за чужими жёнами на моих глазах... Ладно, пусть развлекается... Как хочет.

– Ты что, его не любишь уже?

– Я так устала от его выходок, что уже и не знаю... Наверное, люблю, раз есть силы всё это терпеть, – мама грустно вздохнула. – Ну что, ужин готовить или кефиром обойдёмся?

– Не хочешь – не готовь, я себе пельмени сварю, если что.

Ксения включила компьютер, проверила почту – от Юльки опять ничего... Вот бы увидеться с ней, пошептаться... Может, написать ей обо всём... нет, клацать на клавиатуре о самом сокровенном как-то не хотелось. Смотрела на интернетные заставки – какая это всё чушь... Вдруг подумалось – а ведь если бы уехала в Москву, не встретила бы с Максимом... Значит, это судьба... Только где же он, почему не приходит? Ведь она его ждёт...

* * *

Максим не приходил. Ксения сходила с ума – где он, может, что-то случилось? Может, ему нужна её помощь, но... она не знает о нём ничего, ни фамилии, ни номера группы... Как же это так вышло: самый близкий на свете человек – самый красивый, самый лучший – остался незнакомым и недосягаемым?

Легла спать пораньше, но всё ворочалась, представляла себе, как они завтра встретятся... Может, он будет ждать её у дверей подъезда... или в вестибюле института... подойдёт

к ней, скажет какие-то слова, которые всё объяснят... обнимет, поцелует и всё, всё будет хорошо... Под утро увидела сон – Максим целовал её в губы так нежно, так сладко...

В институте она его не увидела ни в понедельник, ни во вторник... А в среду, сдавая в гардероб куртку, столкнулась с Ильёй. Кинулась к нему, как к родному:

– Здравствуй, Илья!

– Привет, – буркнул он.

– А где Максим?

– Понятия не имею.

– Я думала, вы друзья...

– Мне такие друзья не нужны.

– Может, ты ему просто завидуешь?

– Да брось ты, он же полный придурок!

– Ты... ты... как ты смеешь? Да он самый лучший!

Илья криво ухмыльнулся:

– Ну и где он, твой «самый лучший»? Что – не звонит? И телефон свой никому не даёт. Да у него таких, как ты, знаешь сколько? Очнись, дура!

У Ксении замерло сердце. Такой ужас отразился на её лице, что Илья перестал ухмыляться, грубовато схватил её за локоть и усадил на лавку в вестибюле.

– Ты на каком курсе учишься?

– На втором.

– И что, ничего не слышала про нашего Максика, Максика-Презика?

– Что-то... вроде... не помню.

– Ты местная?

– Местная.

– Ясно. Общаговские – те все знают, что он за птица. Тут такое кино было – Голливуд отдыхает... Он с двумя одновременно романы крутил. Одна залетела, думала, он на ней женится, а тот и не собирался... Она институт бросила, уехала домой рожать, а вторая как узнала, что он ей изменял – вены себе порезала, еле откачали. Его хотели из института выгнать, да предки то ли в ФСБ, то ли ещё где... Он баб меняет через день... Да и как человек... Ладно, не бери в голову. Ну мне пора, пока.

Девушка закрыла лицо руками. Этого не может быть. Вот влипла, так влипла. Ведь она слышала что-то об этой истории ещё в начале первого курса... Нарвалась на Максима-Презика, ещё и влюбилась по уши...

И вдруг она увидела Максима – он стоял у окна и кого-то высматривал на улице. Сумку то ставил на подоконник, то прижимал к себе, держась, как за спасательный круг. «Он ждёт меня, ждёт! – радость переполнила сердце. – Я здесь, здесь, глупый, ты не туда смотришь!» От волнения уронила на пол мобильник. Отскочила крышка, вылетела батарейка... пока собирала – всё кидала взгляды на Максима – только бы не ушёл, только бы дождался...

Наконец вскочила с лавки, сделала шаг и... замерла – Максим переменился в лице и устремился навстречу вошед-

шей в дверь... Севрюговой. Так вот кого он ждал. Девушка протянула ему книгу Пауло Коэльо – ту самую.

Ксения поняла всё – это Севрюгова резала вены из-за него, и она до сих пор его любит, но... не простит никогда. И он её любит, и знает, что не будет ему прощения... Пазл сложился, всё стало ясно, просто и... страшно.

«Я-то, я-то зачем ему? Зачем со мной... так? – всё внутри разрывалось от обиды. – Я что, посуда одноразовая?» Подошли одноклассницы, подхватили под руки – куда это мы? А... семинар... лекция... а что, и лекция была? Ксения была как во сне.

– Иванцова, вы вопрос слышали?

Полина толкала её в бок.

– Нет, не слышала.

– Об этом только что говорили на лекции. Вас что, не было?

– Не было.

– Доклад сегодняшней будет?

– Доклад? Я забыла...

– Да что с вами такое? Будьте добры, задержитесь после занятия.

Прозвенел звонок. Группа зашумела, загалдела, потянулась к выходу. Ксения сидела на месте, тупо глядя перед собой. «Ругать будет... пусть ругают, отчисляют, что хотят делают... чем хуже, тем лучше...»

– Ксюша!

Она удивлённо повернула голову. Куратор их группы Татьяна Ивановна, немолодая миниатюрная женщина, сидела рядом и внимательно смотрела на неё. Ксения встретила с ней глазами и словно впервые увидела... Чёрные волосы завязаны в хвостик. Неизменные крохотные золотые серёжки с красными камешками. Простая белая блузка, серый пиджак. Губы тонкие, чуть подкрашенные. Но глаза, глаза – горели таким огнём, а в уголках – лучики. Весёлая. Каждое утро – рука об руку с мужем на работу, вечером – с работы, идут, болтают, смеются... Муж на той же кафедре лекции читает – маленький, пузатенький, смешной... Читает здорово, слушаешься, шутит всё время, студенты его обожают.

– Татьяна Ивановна, вы счастливы?

– Да, счастлива, – она словно ждала этого вопроса.

– А я... – Ксении хотелось закричать: «Я самая несчастная на свете!»

Но вместо слов полились слёзы.

– Что ты, девочка, что ты! – Татьяна Ивановна гладила её по голове, по трясущимся от рыданий плечикам, – ты такая славная, умная девочка, ты обязательно будешь счастлива, вот увидишь. Ты учишься, не вздумай запускать, ты очень, очень талантливая. Ты меня слышишь?

* * *

Через пару недель Ксения с Полиной Лисятниковой бе-

жали на лекцию. Полина вдруг резко остановилась у буфета:
– Ксень, на минутку... Я хоть «Сникерс» куплю, голодная.
– Опоздаем!
– Я быстро, – она уже устремилась в дверной проём.
Девушка нехотя зашла за ней. За столиком прямо у двери сидел Максим в обнимку с девушкой и кормил её... пирожным с вишенкой. Очередная «фея» с разомлевшим и оттого глупым лицом разевала рот, как рыба, и закатывала голубые глазки. Это было так смешно, что Ксения расхохоталась во всё горло. Она уселась за столик и бесцеремонно уставилась на них:

– Ну что, голуби, воркуете?

Максим убрал руку с плеча девицы и отодвинулся от неё:

– Что ты от меня хочешь? – его приятный баритон сорвался на бабий визг.

– Я? От тебя? Вот уж точно – ничего! Девушка, беги от него, это же Презик!

Полина, жуя «Сникерс», махнула рукой:

– Идём!

* * *

Ключ на удивление быстро нашёлся в сумке, Ксюша уже шагнула в коридор и... застыла. Кричал отец:

– Да, я молодой! Я жить хочу и не собираюсь гнить, сидя дома, как ты со своими тетрадями...

– Серёжа, что ты говоришь! Я что, старуха? Я же на три года тебя моложе!

– Да ты уже родилась старой!

Он стал передразнивать её:

– Лучший отдых – это театры, концерты, выставки... Тебя даже слушать противно!

Раздался звук пощёчины.

– Ну так не слушай!

Девушка шагнула обратно в подъезд. Пусть разберутся наконец. Села на лавочку во дворе. Солнце катилось за горизонт, стало заметно холоднее. Долго так не высидишь. Куда же пойти? Открыла наружный карман сумки, достала пластик жевательной резинки, что там ещё шуршит? Квитанция за свет и купюра в пятьсот рублей – мама просила заплатить, а она забыла. Ксения направилась к супермаркету.

Через полчаса она стучалась в дверь с номером двадцать семь. Ира развешивала бельё, Полина-первая писала конспект. Аня спала, уткнувшись лицом в открытую книжку, Полина-вторая читала, лёжа на кровати.

– Подъём! – весело сказала Ксюша, доставая из пакета бутылку шампанского, торт, несколько яблок.

– Сегодня что, праздник? – Полина достала кружки, Ирина – тарелки и нож.

– День работников швейной промышленности.

– Серьёзно, день рождения, что ли? – не унималась Полина.

– Скорее уж – день освобождения...

– От чего? – оглянулась Ирина.

Девушка задумалась.

– От всего, что нас унижает.

Севрюгова пристально посмотрела на неё и удивлённо хмыкнула:

– Хорошо сказано.

Было почти одиннадцать, когда Ксения вернулась домой. Из спальни раздавался храп. В гостиной горел торшер – мама ждала её. Девушка присела на диван рядом с ней.

– Мам!

– Что?

– Пойдём завтра в театр.

– А что, хорошая пьеса идёт?

– Очень хорошая.

– А как называется?

– Не знаю, но всё равно пойдём, а?

Без названия

– Дамы, прошу вас, проходите! Проходите!

Старухи семенили к подвалу, толпились у лестницы, прижимая к себе сумочки и пакеты.

– Не торопитесь, занимайте свои места! – Мерц повернул выключатель и облегчённо вздохнул: «Слава Богу! Свет ещё есть».

– Дама Грубер, где ваша палочка?

– Здесь, здесь, уважаемый Мерц!

Они расселись вокруг стола, на котором стояли бутылки с водой и металлические кружки. Среди старых журналов – костяшки домино и карты. Мерц взбежал по лестнице.

– Дамы, я вас закрываю! Ведите себя хорошо! До свидания.

– До свидания, уважаемый Мерц!

В небе стрекотали несколько беспилотников-шпионов. Их тени отражались в панели треснувшей солнечной батареи, зацепившейся за край крыши лечебного корпуса. Вывеска «Отделение геронтологии» испещрена осколками. Короткими перебежками Мерц добрался до пробойны в стене – теперь это «Парадный вход», как они его прозвали. Навстречу по коридору бежала доктор Бланка.

– Зачем ты их увёл? Тревогу не объявляли.

– Ну через час объявят, чего время терять? Пошли ско-

рей! – он схватил её за руку и потянул к бельевой. Чистого белья там давно не было, зато остался широкий топчан, крытый клеёнкой.

– Ты сумасшедший! Нас увидят!

– Кто? – искренне изумился он.

* * *

– Почему ты никогда не раздеваешься до конца?

– А вдруг налёт?

– Всё равно без юбки не побежишь.

– Действительно, – ей стало смешно. Она стянула с себя майку и прижалась к нему.

– Какой ты горячий.

– Грейся.

– У тебя красивое тело. Ты знаешь, я раньше терпеть не могла незагорелых, а сейчас ничего, не обращаю внимания.

– Где теперь загорать, не под бомбами же... Что ты напрыглась так?

– Слушаю, не летят ли?

– Да сколько же можно нас бомбить? Во всю крышу – красный крест, стрельбу мы не ведём.

– А вдруг ракета?

– От ракеты не спасёшься, чего замудряться?

– А...

– М-м-м... помолчи...

– Хочешь курить?

– Ого! «Кэмел»! Где ты взял?

– Пробежался на рассвете по развалинам.

– А еды нет?

– Нет, я б взял. Завтра вместе пойдём, там лекарства какие-то есть, глянешь.

– Надо же, не всё сгорело! А... можно спросить?

– Валяй.

– До войны... ты кем был?

– Вором был. Домушником.

– К нам как занесло?

– Из тюремной больницы. Пришли хмыри какие-то, спрашивают – кто хочет новое лекарство от СПИДа испытывать, шаг вперёд! А чего мне терять?

– Так это ты на корпусе намалевал «Осторожно, СПИД!»?

– Я. Чтобы мародёры не лезли.

– Сколько времени?

– Десять пятьдесят шесть. Включай приёмник.

Они приникли к шипящему транзистору. «Внимание, внимание, внимание! По данным воздушной и наземной разведок, ожидаются ковровые бомбардировки пятого, девятого, десятого, одиннадцатого районов. Населению рекомендуется покинуть указанные районы. Повторяем...» Они пере-

глянулись:

- Опять про нас ничего.
- «Доставка гуманитарной помощи в освобождённые районы ожидается через двое суток. Повторяем...»
- Что будем делать?
- Пошли вниз.
- Пошли.

* * *

Из-за двери, ведущей в бомбоубежище, доносились удары.

- Ты что, запер их?
- А ты хочешь опять за ними бегать по всей территории?
- Нет, конечно.
- Дама Фишер, что случилось?
- Это всё старая дура Полански... Они объявили мне бойкот! – она обернулась к сидящим за столом. – А я не жульничала! Не жульничала! Я потеряла очки. Пустите меня, Мерц, мне надо найти их.

– Дама Фишер, я прошу вас вернуться. Я сам найду ваши очки. Они на красном шнурке, да?

– Вы не знаете, где искать. Я пойду сама...

– Нет уж, вернитесь, пожалуйста. Скоро начнётся налёт.

Час прошёл в молчании. Старухи макали галеты в кружки с водой, стараясь не глядеть друг на друга. Дама Полански

не выдержала:

– Доктор Бланка, перекусите. Ведь вы ничего не ели сего-дня.

– Я ела.

– Не ври мне, девочка. И не переживай, он вернётся.

– С чего вы взяли, что я переживаю?

– Я вижу, я не такая слепая, как дама Фишер.

Бланка поднялась по лестнице, села у двери. Снаружи доносился гул. От вибрации подрагивали стены. Она прижалась ухом к двери и закрыла глаза... и не расслышала шаги. Дверь распахнулась, на пороге, весь покрытый пылью, стоял Мерц.

– Он вернулся, вернулся! – закричали старухи.

– Ну и что ты здесь расселась?

Бланка медленно поднималась на ноги.

– Да так, ничего, просто...

Родственники

– Серёжа, смотри, мяч! У тебя сачок есть?

– Зачем сачок, я и так достану, – он уже спустился по ступеням от парапета на прибрежные камни.

Когда живёшь у воды, в один прекрасный день что-нибудь приплывёт к твоему дому...

– Может, это чей-то?

– Мы здесь утопили уже четыре мяча.

По его тону можно было понять – им уже полагается некоторая компенсация.

Уже неделя прошла со дня моего приезда, но я с завидным постоянством продолжала просыпаться по московскому времени – на два часа раньше всех. Но я нисколько не жалела об этом – рассветы были просто великолепны: озеро голубое, а дома на противоположном берегу – золотые от восходящего солнца. Красота! Ноги сами спешат к воде. Обычно в этот час приплывает компания попрошайек – пара лебедей и их друг селезень. Я уже приготовила им кусок вчерашнего хлеба, но сегодня их нет, видимо, изменили маршрут. Я усеялась на прохладный после ночи парапет, отделяющий лужайку от озера... и меня передёрнуло от страха: на прибрежных камнях шевелилось что-то синее... Однажды в Приморье, в Амурском заливе, я видела огромную синюю медузу. Но потом до меня дошло – откуда в озере в центре Европы меду-

за? Наклонилась, чтобы разглядеть получше – это одежда... связанная в узел рубашка, рукав колыхался в волнах и словно звал меня куда-то. Жуть какая. Узел потерян или выброшен? Может, с одной из яхт, которые как заводные бороздят озеро с утра до ночи, а может, из домов, облепивших озёрный берег. Что стоит отплыть подальше, что-то бросить, и при хорошем ветре это унесёт Бог знает куда...

...В первое после прибытия утро я побежала купаться. Вода показалась ледяной и надолго меня не хватило. Отплыла от берега буквально метра три-четыре и повернула обратно. У соседней виллы на купальных мостках стоял совершенно голый человек и, воздев руки к небу, то ли загорал, то ли молился богу солнца... В мой открывшийся рот тут же плеснула волна. Я отвернула голову от нудиста и поплыла к дому. Вот гад, опошлил такое утро!

Ира и Серёжа долго смеялись, слушая мой рассказ.

– Знаешь, кто он? Глава банка...

– А это не тот, который в драных носках... по телевизору? Может, ему и на трусы не хватает?

– Нет, не он.

Это я к тому, что жить в доме у озера может позволить себе далеко не каждый, а только очень обеспеченный человек. В европейских странах, в отличие от России, это законопослушные и благонадёжные граждане.

...Что делать? Разбудить Сергея? Но стучаться в супружескую спальню как-то неприлично... Пока я мучилась сомне-

ниями, он появился собственной персоной – купается каждое утро в любую погоду.

– Привет, чего в такую рань?

– Да... – я не успела и слова проронить, как Серёга уже разбежался и нырнул с причала в озеро. Ну вот, теперь ждать придётся. Я в нетерпении стучала пальцами по серой тверди парапета. Наконец-то плывёт обратно.

– Привет. – Ира пришла полюбоваться на супруга.

Я тронула её за руку.

– Ира, смотри, что там.

– Ты уронила рубашку? Серёжа сейчас достанет...

– Это не моя одежда...

– А чья?

– Принесло... оттуда...

– И куда теперь это девать?

Сергей уже подплыл к мосткам. Увидев нас, перебрался на камни и забросил узел на парапет. Из него потекла ручьями вода. Сергей пошёл переодеваться.

– Давай посмотрим, что там внутри.

Мы в четыре руки начали развязывать полы рубахи... и молча уставились на содержимое. Внутри была свёрнутая джинсовая юбка – полы испачканы чем-то тёмным, а ещё – пучки белых длинных волос, некоторые – с кусочками кожи на концах. В волосах были запутаны обрывки цепочки из белого металла. Мы враз взвизгнули от ужаса и отскочили прочь.

– Ой, меня сейчас вырвет...

– Господи, кошмар какой! Там что, скаल्प?

– Не знаю...

Любопытство взяло верх и мы опять подошли поближе.

– А юбкой-то... как бы не кровь затирали...

– Кого-то за волосы таскали конкретно... Да тут явный криминал.

– Лена... а цепочка... из магазина «Т...», смотри – логотип на застёжке...

Уж в чём, а в этом она разбирается.

– Мы же вчера там были... и эта белобрыся там была. Ты ещё сказала, что у нас волосы одного цвета. И одежда её... точно.

– Я на её одежду не обратила внимания.

Вернулся Серёжа в белом махровом халате.

– Это что ещё за мерзость? Это твоё?

– Нет. Это приплыло из озера.

Он посмотрел на меня, как на больную, – с сожалением.

– Если это ничьё, не надо было трогать даже, а просто выкинуть в мусор.

Меня осенило:

– Точно. Тот, кто издевался над бедной женщиной, рассуждал так же – никто не будет трогать чужое, а просто выкинет... Значит, это местный!

Ира взглянула на мужа:

– Надо вызывать полицию. Как всё не вовремя... Даша

сегодня прилетает...

Не хотелось бы втягивать их в неприятности.

– Серый, если мы что-то нарушили... Скажи, что это я нашла и по глупости развязала... Если меня визы лишат, я переживу, а вам тут работать и жить...

Он махнул на меня рукой и, бормоча что-то ругательное, отправился звонить.

* * *

– Я подчёркиваю, это не допрос. Вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Вы свободный человек в свободной стране.

– Если я в силах помочь следствию, то считаю это своим долгом.

– Вы бывали в Литве?

– Да.

– Вы знакомы с бизнесменом из Клайпеды Андреем Мирошником?

– Нет.

– Вы знакомы с жительницей Клайпеды Юрате Катилюте?

– Нет.

– У вас есть сестра?

– Двоюродная сестра Лариса в Иркутске, троюродная сестра Лена в Кривом Роге.

– Вы шутите?

– Нет.

– А родные?

– Нет, я в семье одна.

– А внебрачные дети отца, матери?

– Отца в живых нет, а маме... можно позвонить, если желаете.

– Вам ничего не известно о наличии у вас сестры?

– Мне – нет, а вам, видимо, известно...

Вместо ответа инспектор включил запись видеонаблюдения из ювелирного магазина «Т...». Вот ходим мы с Ирой... Боже, какая я толстая и сутулая! Вот я поворачиваюсь к камере. Инспектор щёлкает мышью, «хватает» моё изображение и «тащит» его в угол монитора. Снова просматривает запись. Мужчина и женщина выбирают что-то. Продавец убирает одну коробку, достаёт другую. У женщины густые светлые волосы ниже плеч, одета она в рубашку и короткую джинсовую юбку... Вот они расплачиваются, продавец упаковывает коробочку... Идут к выходу. Инспектор увеличивает изображение... От удивления я впала в ступор. У женщины – моё лицо. Ну просто совершенно моё. Он разместил рядом оба изображения, максимально увеличив. Ну зачем же так-то? Конечно, я знаю, что я не красавица. Но что настолько... Слава Богу, сидящих вокруг мужчин интересует только моё сходство с ней... А их тут много: полицейский инспектор, представитель российского консульства, переводчик, адвокат и ещё кто-то...

– Вы знаете эту женщину?

– Нет. И в магазине видела её только со спины. А её личность установлена?

– Да, установлена. Она проходила паспортный контроль на границе. Это и есть Юрате Катилюте, 1972 года рождения, гражданка Литвы, проживает в Клайпеде. Здесь по гостевой визе. По приглашению Виолы Мирошник. Вы знакомы с ней?

– Нет, впервые слышу. Виола Мирошник, что, не знает, где она?

– Она утверждает, что госпожа Катилюте даже не появлялась в её доме.

– Зачем же она выслала ей приглашение?

– По просьбе брата – Андрея Мирошника.

– Может, она что-то скрывает?

– Виола Мирошник – гражданка нашей страны, имеет свой бизнес – магазин «Русские продукты»... Пока нет веских доказательств её причастности к незаконным деяниям... мы не можем её беспокоить...

Ах, ну да, ну да...

– Когда вы посещали Литву в последний раз?

– Первый и последний – в конце восьмидесятых по туристической путёвке. А эта женщина – она жива? Что с ней?

– Мы её ищем. Отвечайте на вопросы, пожалуйста. Вы бывали в Клайпеде?

– Наверное, мы почти везде были.

– У вас есть знакомые в Клайпеде?

– Нет... Мужчина, который покупал украшения для Юрате – это Андрей Мирошник?

– Нет. Андрей Мирошник не пересекал нашу границу.

– По кредитной карте нельзя личность установить?

Инспектор удивлённо вскинул брови:

– Он платил наличными.

Знай наших! Мы тоже не лыком шиты. Смотрим сериал про Анну Ковальчук, то есть, как её – Марию Сергеевну Швецову.

– Я могу задать вопрос?

– Можете.

– Какая у неё группа крови?

– Вторая положительная...

– У меня тоже вторая положительная...

Вот это да!

– Я спрашиваю вас ещё раз: вы с ней родственницы?

– Не знаю.

– А почему вы поехали в Литву?

Действительно, почему? Я всегда мечтала побывать в Риге. Тогда считалось, что в Латвии к русским относятся хорошо, а в Литве и Эстонии – не очень. Вот в Латвию мне путёвки и не досталось. И поехала я в Литву по линии молодёжного туризма «Спутник». И не пожалела об этом. Моим восторгам не было предела. Средневековье! Улочки мощёные, стены крепостные, янтарь... А пиво, а пивбары! В магазинах этикетки двуязычные – «Торт – тортас», «Батон –

батонас» – вызывали у меня лингвистическое умиление. А хлеб какой! Чёрный, круглый, душистый, вкусный до невозможности, «дуона», я помню... Сколько лет-то прошло...

Эта беседа отняла у меня столько сил, я была такая голодная... Салат, плов из курицы – я даже вкуса не чувствовала. Серёжа уже уехал в аэропорт встречать дочку. Ира терпеливо меня ждала. Мы уселись на веранде возле тазика с черешней и наконец-то смогли всё спокойно обсудить. Странные, просто невероятные события и совпадения... Ира сказала:

– Давай только Даше не будем ничего говорить...

Ужинали уже вчетвером. Прилетела из России их супер-умная дочь Дарья – получила диплом в одном университете, собирается в следующий... Свободно говорит на трёх языках... Устроили барбекю. Глава семейства жарил мясо, мы накрывали на стол.

– Ну, за тебя, Дашенька!

– Выпей хоть глоточек шампанского...

– Спасибо, я – сок...

Ира повернулась ко мне:

– Мы в её возрасте уже пить бросили, а она ещё и не начинала... Вот молодёжь!

Мне они тоже кажутся непостижимыми. На первый взгляд – ну дети и дети, а как слушаешь, о чём говорят, чем занимаются – инопланетяне. Наверное, это правильно... Но мы, конечно, не удержались и после пары бокалов вина всё ей разболтали – о сегодняшней находке, о визите полиции, о

беседах, которые с нами провели... Когда разговор зашёл о Виоле Мирошник, Даша сказала:

– Мама, а ты что, не помнишь её? В том году она была на дне рождения у Кобышей...

– Имя знакомое, а вот как выглядит...

– Она мне потом звонила, предлагала поработать на каникулах в магазине.

– Почему ты нам ничего не сказала?

– Я отказалась сразу. О чём говорить...

– А где, где, говоришь, её магазин? – во мне проснулось нездоровое любопытство.

– На ...штрассе.

– Это от вас далеко?

– Из центра... на трамвае... минут сорок.

– Давайте, я завтра туда поеду, посмотрю, что и как... Вы там бываете, вас узнают...

– А раз вы с Юрате похожи, она тебя вычислит!

– Вот и посмотрим! Виола сказала полиции, что Юрате не появлялась у неё. Приглашение выслала по просьбе брата, но ни разу её не видела... А если она обратит на меня внимание – значит, врёт!

* * *

До магазина «Русские продукты» я добиралась ну очень долго. Сначала на автобусе до центра. Дорога идёт по завод-

скому району, пейзаж не больно радостный... Я опять задумалась об этих странных событиях. Неужели у меня есть сестра? Аж в Литве наследил мой непутёвый папа, если это он... С мамой они расстались ещё до моего появления на свет. Он успешно пропил деньги, накопленные к моему рождению, это стало последней каплей... Вопросы, вопросы... Бедная девушка, попала в какую-то историю... Жива ли она? А фигура у неё совсем не такая, как у меня. Я похожа на сестёр отца. Они все склонны к полноте и после родов раздаются книзу, как груши. Ох, одна я знаю, чего мне стоит пожизненная борьба с генетикой. К сожалению, она вовсе не «продажная девка капитализма», как её, кажется, называл академик Лысенко. Ни за какие деньги не остановишь мою лезущую напролом грушевидность. А Юрате высокая, стройная, широкоплечая – юбки носит короткие. А бывает, что человек лицом похож на одного родителя, телом на другого... Чего только не бывает на белом свете.

Вдали показался главный городской собор. Здесь пересадка на трамвай. В руках у меня бумажка с подробным планом, составленным Сергеем. Ежеминутно сверяю названия остановок по дисплею над кабиной водителя. Вот наконец нужная. Теперь направо до сквера. Потом налево по узкой улочке в гору. Теперь... какая тут штрассе? Наклонилась к плану и... тут же ударилась головой в грудь незнакомца. Высокий человек в клетчатой рубашке смотрел на меня с удивлением. Я пробормотала извинения, не помню, на каком языке и по-

пыталась обойти его. Я его знаю? Откуда? А не он ли был в магазине с Юрате? Кого он тут ищет, Виолу? Вот бы поговорить с ним. Что же делать? Бежать за ним или всё-таки дойти до магазина? Хоть разорвись... Пока я раздумывала, он уже скрылся за поворотом. А я, оказывается, уже пришла.

Небольшой универсамчик самообслуживания.

– Здравствуйте, – улыбнулась мне черноглазая женщина редкой красоты.

– Гутен морген, – серьёзно ответила я и начала осмотр. Помещение отделано со вкусом, всё в русском стиле, торговля, видимо, идёт успешно. Почему бы и нет? Русскую душу потешить можно всем – чего только за границей не напробуешься – все кухни мира: и ризотто, и фондю, и карпаччо с трюфелями... Вкусно, не спору. А вот утешит только своё, родное – селёdochка пряного посола, икра баклажанная, сушки, грибы и огурцы маринованные, сайра... Да, выбор что надо. И выпить и закусить... Тут же матрёшки, тельняшки, фуражки, советские фильмы на дивиди. Этакое сельпо, лубочное, конечно... С настоящим это сравнить нельзя. Когда я была маленькой, мама-географ каждое лето брала меня с собой в экспедиции, мы столько деревень проехали... Магазин в деревне – обычный домик с неизменной невысыхающей лужей перед крыльцом. Внутри, после солнца, – темно-вато. На полках – хлеб, пачки соли, сахара, бутылки с растительным маслом. На витрине – мыло: белое – банное, розовое – земляничное, тёмное – хозяйственное. На стене – сит-

цевые платья на вешалках вперемешку с мужскими рубашками в цветочек... Унылые деревянные короба с крупой, подушечками, карамельками – в каждом торчит совочек. Лихо сворачивают на твоих глазах кулёк из коричневой бумаги. Насыпают совочком, но не до конца, а по велению стрелки на весах – добавят или наоборот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.